

DOI 10.15393/j9.art.2015.3450

УДК 821.161.1.09"18"-32

Николай Иванович Соболев

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
sobnick@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ И. С. ШМЕЛЕВА «РОССТАНИ»*

Аннотация. Статья посвящена одной из центральных проблем литературы — научному описанию, введению в научный оборот и осмыслению рукописных материалов из творческого архива писателя. В основе исследования — черновики повести И. С. Шмелева «Росстани», хранящиеся в НИОР РГБ. В работе представлено их кодикологическое описание и текстологический анализ, результат которого — выявление двух вариантов и двух редакций повести, установление их генеалогии, становление и разработка повествования. Филологический анализ различий редакций позволил понять генезис замысла, определить авторские целеустановки в поэтике повести. В ходе сопоставительного анализа разных редакций выявлены литературные приемы в поэтике повести, характерные для неореалистического литературного произведения — это обилие внесюжетных элементов, создающих эффект дискретного повествования; повторяющиеся бытовые детали, образы русской природы, мотивы памяти и расставания, образующие символический план произведения.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, «Росстани», рукопись, черновик, редакция, история текста, поэтика повествования, сюжет, символ, Россия, память

Повесть И. С. Шмелева «Росстани» — одно из его программных произведений, созданных в период активных экспериментов с реалистической поэтикой повествования.

В переписке 1920—1940-х годов автор не раз указывал на особое место повести в своем творчестве, ставя ее в один ряд с лучшими произведениями 1910—1920-х годов¹. Повесть была издана в 1913 году, затем переиздавалась при жизни писателя в пятом томе собрания сочинений в 1914 году и в сборнике 1931 года² под символическим названием «Родное. Про нашу Россию: Воспоминания» — этим эдиционным номинативом Шмелев определил не только основной идейно-тематический план произведения, но и место повести в своем творчестве.

В 1932 году повесть была переведена на немецкий язык, хотя немецкое издание состоялось только в 1955 году. Некоторые обстоятельства делового характера, связанные с историей немецкого перевода повести, известны из сохранившегося эпистолярия Ильина — Шмелева³: на протяжении 1931—1932 годов писатель постоянно затрагивал эту тему, надеясь, что в перспективе европейский читатель познакомится с еще одной, значимой для писателя, гранью творчества; до начала 1930-х годов на европейские языки были переведены не более десяти его литературных текстов, из них только три — на несколько языков: «Человек из ресторана», «Неупиваемая Чаша», «Солнце мертвых».

В критике 1910—1930-х годов повесть оценивалась по-разному: Н. И. Коробка, А. Дерман, Н. Кульман, А. Савельев⁴ находили «Росстани» высоким образцом современной русской литературы, шедевром; Г. Адамович, напротив, примером безыскусного литературного бытовизма. Последнее послужило причиной небольшой, но жесткой полемики между Шмелевым и редакцией журнала «Современные записки»⁵, о которой коротко и эмоционально в письме Ильину рассказал Шмелев: «В 49 кн. Г. Адамович-содомович про “Родное” так написал, так непозволительно-глумливо, что я послал редакции веское письмо, спокойное, но веское. <...> О “Росстанях”... — история о “благополучии разбогатевших банщиков”...! Ах, идиот или... шулер. Ну, ладно. И “Росстани” мои ничего, останутся в русской литературе»⁶.

В современной критике о творчестве Шмелева общим местом является упоминание повести как одного из наиболее показательных неореалистических произведений; более детально, хотя и неполному, анализу поэтики текста посвящены работы У. К. Абишевой [1], Л. Н. Кияшко [2], М. Ю. Трубицыной [4], М. А. Хатямовой [6], А. П. Черникова [7].

Необходимым дополнением указанных работ является исследование рукописных материалов из архива Шмелева в РГБ, которое дает возможность на основе построения научной генеалогии вариантов и редакций детально рассмотреть творческий процесс, понять генезис замысла, выявить авторские установки в ходе создания художественного мира повести.

Архивные материалы Шмелева, относящиеся к творческой истории повести «Росстани», представлены следующими источниками:

Ф. 387 (И. С. Шмелев), картон № 7, ед. хран. № 7.

Единица хранения представляет собой составную рукопись, условно разделенную на три части (а, б, в) и пронумерованную сотрудниками ОР по листно.

1 (а). Л. 1—30 об., всего 30 л. Заглавия: «Сосѣди» (л. 1, 6; машинопись), «Рѳзстани» (л. 1, написано от руки карандашом, подчеркнуто). Датирована: «Начато 30 апр. 1913» (л. 1; написано от руки карандашом, дата подчеркнута). Машинопись. Напечатана на 15-ти отдельных согнутых вдвое листах писчей бумаги. Листы имеют дополнительную нумерацию карандашом (кроме нумерации ОР): пронумерованы постранично л. 1—5 об. как с. 1—10, л. 6 об.—10 об. — как с. 11—19 (л. 6 пропущен при нумерации), л. 11—12 — как с. 21—23, л. 12 об. — как с. 20, л. 13—29 — как с. 24—56, л. 29 об. — как с. 59, л. 30—30 об. — как с. 57—58. Авторские маргиналии — арифметические подсчеты карандашом (л. 27, частично зачеркнуты). Авторская правка: на л. 1—18 об., 19 об.—30 об. карандашом и чернилами.

1 (б) (Разрозненные листы разных вариантов). Л. 31—45 об., всего 15 л. Заглавия (все машинопись): «Сосѣди. (Поминки.)» (л. 31); «Сосѣди»⁷ (л. 31 об.); «Рѳзстани» (л. 32). Датирована: «29 апр. 1913 г.» (л. 31, машинопись, в начале текста); «11 мая 1913 г.» (л. 32, машинопись, в начале текста, подчеркнуто карандашом); «Май 1913 г.» (л. 35, написано чернилами от руки в конце текста). Машинопись. Напечатана на четырех отдельных согнутых вдвое листах писчей бумаги (л. 32 и 33, 38 и 39, 40 и 41, 42 и 43 рукописи) и семи половинах листов (л. 31, 34, 35, 36, 37, 44, 45). Л. 41 об. использован в перевернутом виде. На л. 34 стоит цифра «2», на л. 35 — «58» (чернила). На л. 35 в конце текста подпись: «Ив. Шмелев» (чернила). Авторские маргиналии — арифметические подсчеты карандашом (л. 31 об.). Авторская правка на л. 32—34, 35, 36, 38, 40—42 об. чернилами и карандашом.

1 (в). Л. 46—46 об., всего 1 л. Без заглавия и датировки. Фрагмент оборванного снизу листа размером ок. 17 см. по горизонтали. Черновой автограф. На л. 36 карандашом от руки сделаны первоначальные наброски плана сюжета, на л. 36 об. —

список героев рассказа (чернилами). На л. 36 авторские маргиналии чернилами: числа, написанные в столбик: «51 // 50 // 53 // 54» (отдельные цифры зачеркнуты, снизу ряд оборван), арифметические подсчеты (в нижней части оборваны) и, возможно, библиотечный шифр хранения какой-то книги: «4.1.3.1».

Сохранность рукописи: **в рукописи 1(а)** сильное пожелтение бумаги, пятна неизвестного происхождения вдоль нижнего края и, особенно, во внешних нижних углах листов. В нижней части л. 1—2 у сгиба отверстия от скрепки. **В рукописи 1(б) (Разрозненные листы)** пожелтение бумаги во внешних нижних углах листов. Общее пожелтение бумаги, пятна неизвестного происхождения на л. 36—36 об., 38—44 об. Небольшие разрывы на сгибе двойного листа, образующего л. 42 и 43 рукописи. Загрязнение бумаги вдоль краев л. 35 об.

Ф. 387 (И. С. Шмелев), картон № 7, ед. хран. № 8.

2) 1 л. обложки, л. 1—58 об., всего 59 л. Заглавие: «Розстани // Ивана Шмелева» (на листе обложки, машинопись, чернилами поставлен знак ударения и дописано окончание род. пад. в фамилии); «Розстани» (л. 1, чернилами поставлен знак ударения и начальная буква исправлена на заглавную). На обложке также указан адрес: «Москва, Житная, 10.» (машинопись). Датирована: «Май 1913 г.» (л. 58, чернилами, в конце текста). Машинопись. Напечатана на отдельных листах писчей бумаги (основной текст — только на лицевой стороне листов), не сложенных в тетрадь и не скрепленных между собой. Все листы рукописи, кроме обложки, пронумерованы чернилами⁸ в правом верхнем углу как л. 1—58; все листы включая обложку — в правом нижнем углу карандашом как л. 24—82. В конце текста подпись чернилами: «Ив. Шмелев» (л. 58, заключена в круглые скобки красным карандашом). На листе обложки пометы карандашом: «в сборникъ», «5½ кв. 10¼ ... <нрзб> // Корп. Эльзевира ... <далее нрзб> // Абр. 1½», «II». Также карандашом: на л. 1 «? наб. — ё», «Св.»; на л. 8 — «Св./ 22», на л. 14 — «Св./ 28», на л. 24 — «Св. кон/ 38», на л. 30 — «Св./ 44» (цифры обведены чернилами), на л. 35 — «Св. кон/ 49», на л. 46 — 5½ кв. 10¼ ... <нрзб> // Корп. Эльзевира ... <далее нрзб> // Абр. 1½»; на л. 55 об. — арифметические

подсчеты. На л. 44 об. неразборчивое слово («Чортъ») повторено четыре раза и зачеркнуто (карандаш). Авторская (чернилами, простым карандашом) и корректорская (синим, красными карандашами) правка на л. 1—58.

Сохранность рукописи: общее пожелтение и потемнение бумаги, особенно сильное вдоль краев и в углах листов, пятна неизвестного происхождения на многих листах (особенно на л. 9—10, 33, 36—36 об., 41). Л. 1, 23 об.—24, 46 загрязнены. Разрывы бумаги на л. 15; надрывы и незначительные утраты фрагментов бумаги вдоль краев многих листов. Углы и края ряда листов загнуты. Л. 2 об. подклеен вдоль внутреннего поля полоской бумаги.

В письме к Бредюс-Субботиной И. С. Шмелев упоминает, что деревня Дюдьково является местом действия повести «Росстани»⁹, где она называется Ключевой. С этим местом, находящимся в сердце России, запечатленным на полотнах Левитана, у автора было связано много счастливых воспоминаний о днях детства, молодости. Зимой 1912 года Шмелев побывал здесь с семьей очередной раз, эта поездка могла стать отправной точкой в создании произведения.

Согласно имеющимся архивным материалам устанавливается, что работа над повестью началась в начале 1913 года: 29 апреля писатель приступил к машинописному набору Ранней редакции (РР) (1а). В течение последующих 12 дней он вычитывал этот беловик, попутно внося стилистическую правку. Исследование источника показало, что возникший в результате этой работы слой правки является вариантом РР. Следующий этап работы над повестью датируется, приблизительно,десятью числами мая — в авторизованной машинописи зафиксировано, что 11 мая Шмелев начал набор текста повести с учетом последнего слоя правки; но и этот текст уже в процессе набора подвергся последовательному редактированию, придавшему плану выражения большее стилистическое разнообразие и содержательную глубину системе образов. По совокупности и характеру изменений можно заключить, что этот текст является Поздней редакцией (ПР) (2), правку и сверку которой автор окончил к концу мая. ПР с редкими исправлениями легла в основу опубликованного во второй половине 1913 года текста, вошедшего в сборник Товарищества московских писателей «Слово». Архивные материалы также содержат разрозненные листы

с сильно правленным машинописным текстом, в котором представлены варианты сцен, эпизодов РР (16). Рукописные материалы, за исключением двух листов с набросками (1в), не сохранились.

Сравнение редакций и вариантов показывает, что сюжет повести на макроуровне оставался стабильным на протяжении всей работы Шмелева над текстом. Главный герой повести, богатый купец Данила Степанович Лаврухин, достигнув преклонного возраста, покидает Москву, отправляется на покой в свое родовое гнездо, в деревню Ключи. Воспоминания воскрешают в памяти историю детства, юности. Здесь он отмечает последние свои именины, здесь же через непродолжительное время встречается смерть — именины и поминки сливаются в череду, символизирующую естественность человеческого существования, данную свыше. Финал повести остается открытым. Шмелев создает эффект временного погружения читателя в поток событий, мерно идущих своим чередом. Этим он добивается смещения смысловой доминанты произведения с сюжетного действия, художественного конфликта в символический план, образуемый, внесюжетными элементами, повторяющимися деталями быта и образами природы, мотивами памяти и расставания.

Сопоставительный анализ редакций и вариантов показывает, что авторская целеустановка редактирования состояла в усилении именно символического плана произведения.

Шмелев изменяет будничное название повести «Соседи» в РР на «Росстани» в ПР (диалектное слово, имеющее в говорах центральных областей России четыре значения: перепутье дорог, расставание, место слияния двух ручейков, ряд прорубей¹⁰ — употребление слова в первых двух значениях имеет устойчивую связь с народными обрядами, совершаемыми в сакральном месте перекрестия дорог: молитвословное прошение, прощание, гадание и т. д.), название, задающее повести высокое философское звучание, по Т. В. Филату, значение названия «Росстани» нужно понимать «в переносном смысле как необходимость выбора нравственного (на распутье) пути героями произведения» [5, 115].

Автор распространяет описание деревенского быта семейства Лаврухиных. Эти пространственные вставки, увеличивающие объем текста в два раза, наиболее яркая отличительная

черта ПР. Насыщенный деталями текст производит эффект вербальной густоты, тягучести, деталь приобретает статус самодостаточного художественного события. Усиление этого свойства прозы необходимо автору, чтобы вписать образы в «поток реалистично — до мельчайших деталей в быте и идиостиле героев — воспроизведенной жизни» [3, 35], поэтому жизнь во всем бытовом многообразии становится главным предметом повествования, а художественная деталь ее символом.

Рассмотрим другие отличия редакций: Шмелев распространяет текст ПР, вводит новые микроэпизоды, описания, выполняющие функцию внесюжетных элементов, создающих эффект адинамического, дискретного повествования. Некоторые из них навеяны воспоминаниями детства самого автора и поразительно напоминают отрывки из автобиографической диалогии «Богомолье», «Лето Господне».

Ранняя редакция

Тутъ и Ник. Данил.¹¹ правда,¹² призналь, что¹³ въ Ключевой¹⁴, въ сам. дѣлѣ¹⁵ хорошо: пожалуй что¹⁶ лучшаго мѣста и не найти. И главное — родное мѣсто.¹⁷ (1)

Поздняя редакция

Тутъ всѣ заговорили, что въ Ключевой, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ хорошо, лучшаго мѣста не найти. А главное, — родное мѣсто. **Вспомнили, что два лѣта жилъ въ Ключевой больной полковникъ, дышалъ навозомъ черезъ оконце въ хлѣвъ и выздоровѣлъ отъ чахотки; даже въ благодарность далъ на стройку Натальѣ, у которой стоялъ.** Тутъ Данила Степанычъ еще болѣе увѣрился, что поправится тамъ, перестануть отекаютъ ноги и вернется сонъ: ужъ очень хороша тамъ вода. (1)

А по уголкамъ, какъ подходилъ вечеръ, начинали шуршать черные тараканы, не покинувшіе стараго мѣста. Всегда у Арины водились тараканы, — къ прибыли, говорить, — и рада была она, когда и на новосельѣ увидала перваго таракана. Теперь ихъ было много: всѣ приползли. (24)

Автор детализует образы главных героев: так, в ПР развернуто описание сестры главного героя, Арины, позволяющее читателю не только понять ее характер, но и узнать историю жизни. В системе образов ПР Арина выполняет роль хранительницы памяти, хранительницы родового гнезда — «матриарха».

Ранняя редакция

И сталъ Данила Степанычъ жить новую, третью жизнь въ уходѣ у сестры Арины обрадованной, высокой и костлявой,¹⁸ и желтолицей съ замшеннымъ отъ старости подбородкомъ, крючконосой. (2 об.)

Поздняя редакция

И сталъ Данила Степанычъ доживать новую, третью, жизнь, въ уходѣ у обрадованной сестры Арины, высокой и костлявой, съ замшеннымъ отъ старости подбородкомъ.

Восьмой десятокъ доживала Арина, и вся была пряма и строга взглядомъ, какъ и лѣтъ двадцать назадъ: не трогало и не гнуло ее время. Ходила твердо и широко, дѣловито постукивала корчагами въ печкѣ и еще могла угрызть корку. И хоть звали ее ребятишки “бородулей”, а какъ-что, — нитокъ ли на змѣй, сахарку ли кусочекъ, — топтались подъ окнами и выматывали душу. И хоть звали ее бабы “горбоносой”, — черезъ нее доходили до Лаврухиныхъ. (4 об.)

Образ Лаврухина в ПР дан глубже, автор разворачивает внутреннюю жизнь героя, психологическое изображение дается более энергично, автор, так сказать, маркирует «ускоренным» повествованием семантически доминантные отрезки текста. Так, Шмелев переделывает один из центральных эпизодов повести: Лаврухин после встречи с о. Сысоем впервые задумывается о предназначении человека, о смысле жизни христианина.

Ранняя редакция

Ъхаль на своемъ тяжеломъ и тихомъ конѣ, въ покойной пролеткѣ рощицей, въ свистѣ зябликовъ и думаль о Сысоѣ. Готовится человекъ. И опять думаль, что есть важное, кромѣ жизни, за жизнью. И вотъ къ этому-то важному готовится Сысой, хромой Сережка. И стало ему грустно, грустно. Вспоминаль, что въ Москвѣ у него пять домовъ, и двое бань, въ деревнѣ новый домъ наладился, растутъ его подсолнухи... И стало ему грустно... (11 об.)

Поздняя редакция

Ъхаль Данила Степанычъ на своемъ тяжеломъ и тихомъ конѣ, въ покойной пролеткѣ, и думаль о Сысоѣ. Думаль, что вотъ готовится человекъ, важное у него есть, свое, за жизнью. Къ этому-то важному и готовится. И стало ему грустно и тревожно. А онъ-то что же не готовится? Тотъ ужъ давно готовится... тридцать лѣтъ... (29)

В структуре художественного образа Лаврухина в ПР усиливаются коннотации «островной психологии». Для этого автор разворачивает необходимый художественный контекст на разных повествовательных уровнях. В образе работника Степана подчеркиваются черты инаковости. Этот персонаж в повести находится неотлучно от главного героя, он городской житель, Москвич, впервые попавший в деревню, для него все ново. Лаврухин не без удовольствия знакомит его с разнообразными уголками родной земли, разговаривая с ним как с чужаком, иноземцем.

Ранняя редакция

— Э-э, братъ... То-то ты и гриба не знаешь... Говоришь, сыроѣжка это, — показаль онъ на грибъ¹⁹. — Свинуха это, а это вотъ²⁰ ли-сичка... желтенькая... а это... валуй... а это... Ну что это? Вотъ и не знаешь...

— Не могу знать... //

— Ко-зленокъ...

И было ему радостно учить Степана всему своему,²¹ деревенскому, прошлому²² (9 об.—10)

Поздняя редакция

— То-то ты и гриба не знаешь... Говоришь, сыроѣжка это... — показаль Данила Степанычъ на грибъ въ корзиночкѣ. — Какая же это сыроѣжка! Свинуха это! А та вотъ... ли-сичка, желтенькая-то... а это валуй. А это... Ну, что это? Вотъ и не знаешь. //

— Не могу знать...

— Ко-зленокъ!

И было ему радостно учить **ротастаго, бѣлобрысаго** Степана, — **съ придурью онъ!** — всему своему, деревенскому, прошлому (22—22 об.)

Пространству деревни ПР автор придает облик островного мира. Нововведения преобразуют условное пространство деревни Ключевая в узнаваемое пространство родного мира, маркированного словом «**русскій**». В произведении это пространство символически обозначает всю Россию.

Ранняя редакция

Отъ **сѣвера** укрывали²³ горы.
(1 об.)

Поздняя редакция

Со **всѣхъ сторонъ обступили** **ее крутыя горы**, — не настоящія, каменные, а **мягкія, тихія русскія горы**, съ глинистыми обрывами, въ черемухѣ и березахъ
(1 об.)

Многие переделки ПР направлены на актуализацию мотива памяти, иногда автор добивается этого, изменяя грамматическую форму слова. В приведенном ниже отрывке автор меняет будущее время на прошедшее, используя грамматические формы как в прямом значении, так и в переносном (**Рѣзать** (РР) — в значении «Будут резать»; **Откусишь** (РР) — в значении «откушу»; **Откусишь** (ПР) — в значении «откусывали» и т. д.). В целом эти изменения позволяют автору подчеркнуть картины из детства героя, навеянные воспоминаниями. «Родная сторона», какой она видится Лаврухину, поэтически прекрасна и неизменна, будущее в ней соединено с образами прошлого, и в данном смысле этот мир мифологичен.

Ранняя редакция

И вспомнилась крѣпкая, сухая осень. Уже октябрь, уже въ кадукахъ вода пристывала по ночамъ... **Рѣзать капусту**. Крѣпкую, тугую, бѣлую. **Осенью бы ее рубили, вырѣзали бы съ хрустомъ** кочерыжки — откусишь — звякнетъ даже, звякнетъ... (11)

Поздняя редакция

И вспоминалась крѣпкая, съ заморозками, осень. Уже октябрь, уже въ кадушкахъ вода пристывала по ночамъ. **Рѣзали въ сѣнцахъ капусту**, тугую, бѣлую, съ хрустомъ выпаривали вилки, **вырѣзывали кочерыжки. Откусишь — даже звякнетъ. Съ пѣснями рубили...** (20)

При сравнении редакций создается впечатление, что автор сознательно до предела осложняет текст, вводя в него казалось бы избыточные сцены, например, в отрывке, приведенном ниже, описана суета, вызванная появлением

почтенного односельчанина, Лаврухина. В этом, возможно, проявляется целеустановка автора на введение в текст новых эпизодических персонажей, которые обогащают произведение художественным разнообразием, осложняют сюжетный план произведения фрагментарностью. С новыми персонажами в тексте ПР появляются локусы, расширяющие художественную перспективу пространства.

Ранняя редакция

— А-а,²⁴ лопотуха какая... Ну-ну... Зайди къ <нрзб>...²⁵

И съ сосѣдскихъ дворовъ показывались бабы, бѣжали дѣвчонки и, оповѣщали, что ходитъ Данила «старикъ»<,> пошелъ старикъ по²⁶ дворамъ, опрашиваетъ.

Поздняя редакция

— А-а, ты какая... лопотуха... Ну-ну... Добѣги-ка до Ариши, кваску чтобы дала сюда бутылочнаго...

— И жарко-то ужъ вамъ какъ, Данила Степанычъ!.. А я сейчасъ... Манюшка, стулъ давай съ рѣшоточкой... Въ окно давай, несурзая! Пахло крапивою и коровьимъ навозомъ въ холодкѣ. Толклись мошки подъ развѣсистой рябиной. Данила Степанычъ, красный, въ бѣломъ сяннн вѣрной бороды, тяжело дышалъ и обмахивался бѣлымъ картузомъ. Степанъ дожидался со стульчикомъ, сидя въ сторонкѣ, въ тѣни отъ буйной крапивы. А въ сосѣднихъ дворахъ высматривали бабы, перебѣгали дѣвчонки, — оповѣщали, что сидитъ Данила Степанычъ у Дударихи на стулѣ подъ рябиной. Пахло крапивою и коровьимъ навозомъ въ холодкѣ. Толклись мошки подъ развѣсистой рябиной. Данила Степанычъ, красный, въ бѣломъ сяннн вѣрной бороды, тяжело дышалъ и обмахивался бѣлымъ картузомъ. Степанъ дожидался со стульчикомъ, сидя въ сторонкѣ, въ тѣни отъ буйной крапивы. А въ сосѣднихъ дворахъ высматривали бабы, перебѣгали дѣвчонки, — оповѣщали, что сидитъ Данила Степанычъ у Дударихи на стулѣ подъ рябиной, а Дудариха побѣжала къ Аринѣ Степановнѣ за квасомъ. А поодадь, изъ-за крапивы, высматривали ребяташки и шептались.

Обобщая результаты сопоставительного анализа редакций, укажем, что Шмелев в целом усложнил повествовательную структуру произведения, вводя в текст различные по объему и содержанию внесюжетные элементы, многочисленных эпизодических персонажей, разнообразные художественные детали, расширил содержательный план героев повести. Целеустановка автора заключалась в том, чтобы выделить в тексте символический план, устойчиво связанный с понятием русской земли, русского мира, образом главного героя, осмысляющим свое прошлое в перспективе будущего пакибытия.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX—XX вв.» (№ 34.1126).

¹ И. С. Шмелев — И. А. Ильину, 25.X.1932 // Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927—1934). М.: Русская книга, 2000. С. 323; И. С. Шмелев — И. А. Ильину, 21.XI.1932 // Там же. С. 345—346; И. С. Шмелев — И. А. Ильину // Там же. 21.X.1931. С. 231; И. С. Шмелев — И. А. Ильину // Там же. 18.II.1932. С. 239.

² Шмелев И. С. Росстани // Слово. М.: Книгоиздательство писателей, 1913. Вып. 1. С. 37—126; Шмелев И. С. Росстани // Волчий пережат; Виноград; Росстани. [Рассказы. Т. V]. М.: Книгоиздательство писателей, 1914. С. 117—207; Шмелев И. С. Росстани // Родное. Про нашу Россию: Воспоминания; Рассказы. Белград, 1931. С. 37—123.

³ Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов: в 3 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 1. 560 с. Т. 2. 576 с. Т. 3. 528 с.

⁴ Коробка Н. И. И. С. Шмелев: Критический этюд // Вестник Европы. 1914. Том. 3. С. 338—356; Дерман А. Сборники «Слово» // Ежемесячный журнал. М., 1914. № 3. С. 155; Кульман Н. Родное // Россия и Славянство. 1931. 22 авг.; Савельев А. «Расставание». Родное. Ив. Шмелев // Руль. 1931. 8 окт. (№ 3304).

⁵ Адамович Г. Ив. Шмелев. «Родное», Белград 1931 // Современные записки. 1932. № 49. С. 454—455.

⁶ И. С. Шмелев — И. А. Ильину, 20.VI.1932 // Ильин И. А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927—1934). М.: Русская книга, 2000. С. 278—279.

⁷ Только заглавие без текста.

⁸ На л. 58 — карандашом.

⁹ И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 1. С. 436.

¹⁰ Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2001. Вып. 15. С. 192—193.

- ¹¹ Было: И, исправлено автором: Тутъ и Ник.<олай> Данил.<ычъ>
¹² Далее было: всѣ въ семьѣ вспомнили, и
¹³ Далее было: ключи
¹⁴ Было: Ключевомъ, исправлено автором: Ключевой
¹⁵ въ сам.<омъ> дѣлѣ вписано.
¹⁶ что вписано.
¹⁷ Далее было вписано: Тутъ
¹⁸ Далее был незачеркнутый вариант: похжей въ большихъ круг-
 лыхъ очкахъ на
¹⁹ Было: грибы, исправлено автором: грибы
²⁰ вотъ вписано.
²¹ Далее было: прошлому,
²² прошлому, вписано.
²³ Было: закрывали, исправлено автором: укрывали
²⁴ Далее было: языкъ у тебя какой... сорока какая...
²⁵ какая... Ну-ну... Зайди къ <нрзб>... вписано.
²⁶ Далее было начато: дер

Список литературы

1. Абишева У. К. Диалектика художественного творчества И. С. Шмелева 1910-х годов (повесть «Росстани») // Художественный текст и культура. Материалы пятой международной научной конференции. — Владимир: ВГПУ, 2004. — С. 27—35.
2. Кияшко Л. Н. «Бытовая» проза И. С. Шмелева (повесть «Росстани») // Вестник Московского гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. Филологические науки. — 2012. — № 3. — С. 15—24.
3. Соболев Н. И. Повесть И. С. Шмелева «Неупиваемая Чаша»: творческая история, поэтика, текст. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 304 с.
4. Трубицына М. Ю. Христианские мотивы в творчестве И. С. Шмелева («Росстани», «Богомолье») // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики). — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. (Сер. Эволюция форм художественного сознания в русской литературе. Вып. 2). — С. 311—330.
5. Филат Т. В. Поэтика заглавий прозы И. Шмелева (своеобразие семантики и структуры) // Вісник Дніпропетровського університету економіки та права ім. Альфреда Нобеля: Серія «Філологічні науки». — Дніпропетровськ, 2011. — С. 112—118.
6. Хатямова М. А. Особенности повествования в повести И. С. Шмелева «Росстани» (1913) // Шмелевские чтения. — Симферополь: Таврия-Плюс, 2004. — С. 40—44.
7. Черников А. П. Поэзия «умной жизни» в творчестве И. С. Шмелева: повесть «Росстани» // Вестник Калуж. ун-та. — 2009. — № 4. — С. 52—56.

Nikolay I. Sobolev

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sobnick@yandex.ru

THE ISSUES OF NARRATIVE POETICS
IN THE CREATIVE HISTORY
OF THE SHORT NOVEL “CROSSROADS”
BY I. S. SHMELEV

Abstract. The article is dedicated to one of the major problems of literature that is scientific description, introduction into scientific use and comprehension of handwritten materials of writer's creative heritage. At the heart of the research there is a draft novel of I. S. Shmelev “Crossroads” [“Rosstani”] kept in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. The article presents codicological description and textual analysis of the draft that brought to light two versions and two editions of the short novel, revealed their genealogy, the process of formation and development of the narration. Philological analysis of discrepancies in the editions allows us to comprehend genesis of the plot, reveal the author's objectives in the poetics of the short novel. In the course of the comparative analysis of different editions in the poetics of the short novel there were found out literary devices inherent to a Neo-Realist literary work, such as the abundance of out-of-plot elements that produce effect of a discrete narrative; repeating common details, the images of Russian nature, the motives of memory and leave that form a symbolic level of the short novel.

Keywords: I. S. Shmelev, “Crossroads” [“Rosstani”], manuscript, draft, edition, history of the text, narrative poetics, plot, symbol, Russia, memory

References

1. Abisheva U. K. Dialektika khudozhestvennogo tvorchestva I. S. Shmeleva 1910-kh godov (povest' «Rosstani») [Dialectic of artistic creation of I. S. Shmelev of the 1910s (the short novel “Crossroads”)]. *Khudozhestvennyy tekst i kul'tura. Materialy pyatoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Artistic text and culture. Proceedings of the 5th international scientific conference]. Vladimir, Vladimir State Pedagogical University Publ., 2004, pp. 27—35.
2. Kiyashko L. N. «Bytovaya» proza I. S. Shmeleva (povest' «Rosstani») [I. S. Shmelev's prose on theme of everyday life (the short novel “Crossroads”)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State humanitarian University named after M. A. Sholokhov. Philology], 2012, no. 3, pp. 15—24.
3. Sobolev N. I. Povest' I. S. Shmeleva «Neupivaemaya Chasha»: tvorcheskaya istoriya, poetika, tekst [Ivan Shmelev's short novel “The Inexhaustible Cup”]:

- history of creation, poetics, text*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 304 p.
4. Trubitsyna M. Yu. Khristianskie motivy v tvorchestve I. S. Shmeleva («Rosstani», «Bogomol'e») [Christian motives in the creative work of I. S. Shmelev (“Crossroads”, “Pilgrimage”)]. *Klassicheskaya slovesnost' i religioznyy diskurs (problemy aksiologii i poetiki): Sbornik nauchnykh statey [Classical literature and religious discourse (problems of axiology and poetics): Collection of scientific articles]*. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2007, issue 2, pp. 311—330.
 5. Filat T. V. Poetika zaglaviy prozy I. Shmeleva (svoeobrazie semantiki i struktury) [The poetics of prose texts of I. Shmelev (semantical and structural peculiarities)]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu ekonomiki ta prava im. Al'freda Nobelya: Seriya «Filologichni nauki» [Bulletin of Dnepropetrovsk University of Economics and Law named after A. Nobel: Series Philological studies]*. Dnipropetrovs'k, 2011, pp. 112—118.
 6. Khatyamova M. A. Osobennosti povestvovaniya v povesti I. S. Shmeleva «Rosstani» (1913) [Narrative peculiarities in I. S. Shmelev's short novel “Crossroads” (1913)]. *Shmelevskie chteniya. Sbornik nauchnykh trudov [Shmelev readings. Collection of research papers]*. Simferopol', Tavriya-Plyus Publ., 2004, pp. 40—44.
 7. Chernikov A. P. Poeziya «umnoy zhizni» v tvorchestve I. S. Shmeleva: povest' «Rosstani» [The poetry of “wise life” in I. S. Shmelev's creative work: the short novel “Crossroads”]. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta [Bulletin of Kaluga University]*, 2009, no. 4, pp. 52—56.

Дата поступления в редакцию: 25.08.2015